ИВ. НОВГОРОДЪ-СѢВЕРСКІЙ

ЧУМЪ

ПАРИЖЪ

ИВ. НОВГОРОДЪ-СѢВЕРСКІЙ

ЧУМЪ

Женѣ моей —

Ю. А. Кутыриной

ПАРИЖЪ

1942

IMPRIMERIE MODERNE
45, RUE COMPANS
PARIS — 1939

Я ПЕРВЫЙ СЛѢДОПЫТЪ.

Я — первый слѣдопытъ родныхъ снѣговъ,
Я капитанъ Майнъ-Ридъ полярныхъ прерій.
Повсюду предо мной открыты двери,
Языкъ мнѣ вѣдомъ сѣверныхъ боговъ.

Я доходилъ до дальнихъ береговъ,
Гдѣ чукчи и айну ведутъ борьбу съ морями,
Гдѣ нойды знатные живутъ царями,
Гдѣ чтутъ меня и шумъ моихъ шаговъ.

Я и теперь туда пойти готовъ,
Порой въ ночи гремитъ мой бубенъ звонкій,
Колчанъ и лукъ вдругъ зазвенятъ въ сторонкѣ,
И чудится, впотьмахъ, мнѣ чей-то въ тундрѣ зовъ!

ВАСЪ ВОСХИЩАЛЪ ГУСТАВЪ ЭМАРЪ?

Васъ въ дѣтствѣ восхищалъ Густавъ Эмаръ,
Вы помните его романы?
О, вы не разъ стремились въ дальни страны,
Гдѣ кровь лилась рѣкой, гдѣ страшенъ битвы жаръ.

Но въ тундрѣ голубой такой-же вѣдь угаръ,
И жизнь прекраснѣй!... Развѣ вы не знали?
Вы тамъ навѣрно не бывали.
Гдѣ высится сполохъ — загадочный стожаръ?

Гдѣ огненныхъ лисицъ, серебренныхъ песцовъ
Горятъ слѣды, какъ звѣзды въ небѣ дальнемъ,
Гдѣ лыжи опытныхъ ловцовъ,
Стрѣлой летятъ въ снѣгу хрустальномъ,

Гдѣ ужинъ къ вечеру для путника готовъ,
Гдѣ встрѣтятъ васъ тепломъ, привѣтомъ, лаской,
Побалуютъ легендой, пѣсней, сказкой
Въ просторной урасѣ, у жаркихъ камельковъ.

НА ЗИМОВКѢ.

Мой другъ остякъ, веселый звѣроловъ —
Моржей губитель, бѣлыхъ куропатокъ,
Гольцовъ привезъ невиданный уловъ
И тальнику на колья, для палатокъ.

Кипитъ работа въ лагерѣ моемъ:
Ужъ мачта высится и вѣсти собираетъ,
А рядомъ съ ней мой полотняный домъ
Привѣтнымъ огонькомъ съ дороги зазываетъ.

« — Мы рады каждому!» — таковъ завѣтъ снѣговъ.
Широкой тундры соблюли радушье:
Для путника у насъ пріютъ готовъ,
Хотангъ звенитъ, поетъ свирѣлъ пастушья.

ПОЛЯРНЫЙ КИТЕЖЪ.

Идетъ метель. Снѣжинки — нѣжный пухъ.
Летятъ, какъ бабочки на головы влюбленныхъ.
Глухая ночь. Огонь небесъ потухъ.
Я не тревожу ходъ оленей сонныхъ.

Каюръ шепнулъ какія-то слова.
Усталый взоръ слѣдитъ за бѣлой птицей:
Ночной дозоръ — полярная сова
Найти добычу тщетно суетится.

И вижу я, иль только снится мнѣ —
Огромный городъ, скрытый подъ снѣгами,
Алмазный весь, съ царевной на стѣнѣ —
Блеститъ навстрѣчу яркими огнями.

МЫСЛЬ.

Державно широка и необъятна тундра.
Величіемъ ни съ чѣмъ ее сравнить нельзя.
Мой нартовый возокъ, надъ бездною скользя,
Какъ въ океанѣ челнъ — лишь гибелью грозя,
Вдругъ подарилъ мнѣ жизнь. Еще одна секунда!...

Подарокъ небольшой, но жизни сладокъ мигъ,
Какъ сладко въ вѣчность мигомъ погружаться.
Каюръ поетъ. Олени вихремъ мчатся.
Въ ихъ лётѣ мысль свою постигъ...
Ну, гдѣ постичь, куда за ней угнаться!

Она, какъ волкъ... Ахъ, нѣтъ, пожалуй, птица,
Съ большимъ крыломъ, съ огнемъ въ большихъ очахъ,
Въ сполошномъ свѣтѣ, въ солнечныхъ лучахъ...
Вонъ та, что въ морѣ дальнемъ серебрится,
Стрѣлой летитъ... И ей не вѣдомъ страхъ!

ТУНГУССКАЯ ПѢСНЯ

Жилъ олень, да былъ олень.
Стало жить оленю лѣнь.
Онъ приходитъ къ господину,
Подставляетъ смѣло спину: —
— «На пельмени рѣжь меня,
Молодыми замѣня!» —
Чай есть, водка есть, порохъ есть —
Хорошо пельмени ѣсть.
Въ стадѣ сто оленей есть —
Надо всѣхъ оленей съѣсть.
Сто гостей по сто оленей
Соберу зимой по Ленѣ:
Сто гостей хочу набрать —
Будемъ цѣлый годъ гулять.
Чай есть, водка есть, порохъ есть —
Хорошо пельмени ѣсть.

БѢЛАЯ ПАСТУШКА

Въ широкой тундрѣ есть какой-то хмѣль,
Пьянящe-бодрый, дерзко-веселящій,
И въ бурѣ грозной слышится свирѣль
Пастушки бѣлой, по снѣгамъ кружащей.

За ней ревутъ нездѣшнія стада
Большихъ какихъ-то, сказочныхъ оленей —
Бредутъ гурьбой невѣдомо куда,
Сгибая на ходу воздушныя колѣни.

На полюсѣ земли — волшебная страна:
Цвѣтущихъ льдовъ огромная поляна...
Ужъ не туда-ль отправится она,
Гдѣ звѣздный чумъ я вижу изъ тумана?

ВЪ ГОСТИ.

« — О-и!» — кричитъ бѣдовый самоѣдъ
И погоняетъ весело оленей.
Спѣшу за рѣчку, къ другу на обѣдъ —
Тамъ ждетъ гора морошки и пельменей.

Оленьей теплой кровью угоститъ,
Чтобъ не было цынги. И дастъ въ подарокъ звонкій,
Пѣвучій лукъ, и стрѣлы, и колчанъ...
И ножъ рѣзной, ручной работы — тонкой.

Заря, какъ полымя, надъ тундрою горитъ.
Поднялосъ солнце — глазъ кроваво-красный.
Совиный глазъ глядитъ изъ горнихъ странъ...
Куда глядитъ онъ грозный, и прекрасный!

НОВОСЕЛЬЕ.

Хотанга—гуслей остяковъ,
Я слышу камыщевый шорохъ.
На рѣчкѣ много огоньковъ,
Костры, моленье, снѣди ворохъ.

Сегодня новоселье здѣсь,
У пастбищъ новыхъ для оленей,
И богъ пришелъ изъ царства тѣней:
Онъ самъ остякъ, лохматый весь.

Въ шаманѣ старомъ воплощенъ,
Въ хотангѣ волю излагаетъ...
Блюсти его святой законъ,
Народъ подъ гусли обѣщаетъ.

ПОЛЯРНЫЙ ЗАВѢТЪ.

Сполохъ горитъ негрѣющимъ огнемъ,
Но въ сердцѣ теплота, душа согрѣта чѣмъ то.
Я въ тундрѣ не одинъ —
Великій Властелинъ
Зажегъ огни,
И свѣтитъ мнѣ зачѣмъ-то!...
Да какъ сказать: «—Зачѣмъ?»
Мнѣ нуженъ этотъ свѣтъ,
Какъ нуженъ птицѣ, звѣрю, самоѣду...
Сполохъ горитъ ужъ много-много лѣтъ:
Вѣдь не одинъ я тундрой ѣду,
И не одинъ я пью и ѣмъ!
Сполохъ горитъ пророческимъ огнемъ,
Большою перламутровой скрижалью.
Читаю заповѣдь на немъ:
«—Любите дальнихъ даже. Теплымъ очагомъ
Встрѣчайте ихъ.
Радушно, не съ печалью.

ЧАРЫ ТУНДРЫ.

Камлаетъ камъ. И бьетъ въ свой бубенъ звонкій.
Пятнадцать лунъ обрядъ неистово блюдетъ.
Сидитъ впотьмахъ. Лишь слышенъ голосъ тонкій —
Онъ духовъ тундренныхъ сзываетъ и поетъ,

Гагарій крикъ. И крылъ несмѣтныхъ лётъ:
Собралисъ тундры грозной властелины.
Кипятъ снѣга. Какъ смерчъ сполохъ идетъ,
Въ заливѣ голубомъ со стономъ ходятъ льдины.

Въ волшебный кругъ шаманомъ вовлеченъ:
Природа измѣнила постоянство —
Тепломъ несутъ снѣга со всѣхъ сторонъ
И дышитъ розами полярное пространство.

БУДУЩЕЕ.

Широкъ, неогладенъ снѣговъ кругоемъ,
Гдѣ бѣлые бродятъ медвѣди.
Богатства несмѣтныя въ царствѣ моемъ —
Угля, и желѣза, и мѣди.

Придетъ человѣкъ, застучитъ молоткомъ
Киркою до нѣдръ добираясь,
Воздвигнетъ заводы въ трудѣ золотомъ —
Въ плавильняхъ и горнахъ купаясь.

Въ сосѣдствѣ умѣстномъ ангаръ и гаражъ
Украсятъ пустынные склоны.
Помчатся обозы въ воздушный вояжъ:
Гужомъ загудятъ авіоны.

ПОЛЯРНЫЙ ПАСТУХЪ.

За тундрой дальней грезятъ паруса,
Просторъ морей и далей свѣтлоокихъ,
Страны волшебной дивные лѣса
И чумы звѣздные у рѣкъ широкихъ.

Я станъ раскину вешнею порой
Въ краю озеръ и елей бирюзовыхъ,
У глетчера съ хрустальною водой,
На пастбищахъ большихъ и новыхъ.

Со мной олени съ золотымъ руномъ
И оленушекъ стадо златорогихъ...
Я буду ихъ стеречь, пока сполохъ огнемъ
Не озаритъ мнѣ новыя дороги!

ОЛЕНЬ СМАРАГДОВЫЙ.

Олень смарагдовый приснился:
Былъ золотымъ онъ въ блескѣ дня.
Поляной снѣгъ подъ нимъ искрился
Съ цвѣтами, полными огня.
Олень на молнію похожій.
Чуть-чуть касавшійся земли.
И стукъ копытъ, съ громами схожій,
И гласъ я слышалъ: — «Мнѣ внемли:
Вотъ такъ, какъ я, встряхнись грозово,
Надъ тундрой звонкой поднимись
И къ звѣздамъ жаркимъ съ пѣсней новой
Оленемъ солнечнымъ взметнись» —.